

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
HISTORIOGRAPHY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-232-243>
EDN: SIHFSK

Научная статья / Research article

**Россия и Центральный Кавказ
в советском и современном научном дискурсе:
от «колониализма» до российской государственности**

Залина Владимировна Канукова , **Берта Владимировна Туаева** ,
Залина Тимуровна Плиева

^a Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия

^b Государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

 z.kanukova@mail.ru

Аннотация: Рассмотрена проблема присоединения народов Центрального Кавказа к России в советской и современной историографии. Цель заключается в определении основных тенденций регионального сегмента советской историографии, которые остаются актуальными в современном дискурсе, и в представлении современного вектора исследования обозначенной проблемы. Дана периодизация историографии советского периода. Выявлено, что в 1930-е гг. произошла замена формулы «абсолютного зла» на формулу «наименьшего зла» с точки зрения присоединения нерусских народов к России. В 1950-е гг. был взят курс на обоснование прогрессивной роли присоединения нерусских народов, и появилась идея добровольного характера их присоединения. Показана судьба тех историков, которые не смогли безоговорочно принять смену исследовательской парадигмы. Отдельное внимание получил анализ современной историографии; показано ее принципиальное отличие от советской – исследование вопроса без каких-либо идеологических установок и перевод его исключительно в научную плоскость. Мотивом обращения к проблеме является исследовательский интерес к модернизационным процессам пореформенного времени. В результате многоаспектных исследований пересмотрена оценка роли социально-культурных институций, которые служили целям мирного покорения народов Центрального Кавказа, выявлена их позитивная роль.

Ключевые слова: русско-северокавказские отношения, колониальная политика, формирование российской государственности и идентичности

Благодарности и финансирование: исследование выполнено в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков) – ГЗ СОИГСИ ВНИЦ РАН – № – 123090800006-3.

Для цитирования: Канукова З.В., Туаева Б.В., Плиева З.Т. Россия и Центральный Кавказ в советском и современном научном дискурсе: от «колониализма» до российской государственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 232–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-232-243>

Russia and the Central Caucasus in Soviet and Modern Scientific Discourse: from “Colonialism” to Russian Statehood

Zalina V. Kanukova ^a , Berta V. Tuaeва ^a , Zalina T. Plieva ^b

^a North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V.I. Abayev of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia

^b State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

 z.kanukova@mail.ru

Abstract: The authors consider the problem of the Central Caucasus peoples' joining Russia in Soviet and modern historiography. The purpose is to determine the main trends of the regional segment of Soviet historiography which remain relevant in the modern discourse, and to present the modern vector of research of the problem under consideration. There is given the periodization of the Soviet historiography. It is revealed that in the 1930s the formula of “absolute evil” was replaced by that of “the lesser evil” from the point of view of non-Russian peoples' joining Russia. In the 1950s, there was taken a course to substantiate the progressive role of non-Russian peoples' joining Russia and there appeared the idea of the voluntary nature of their joining. The article shows the fate of those historians who could not unconditionally accept the change in the research paradigm. Particular attention is paid to the analysis of modern historiography; its fundamental difference from the Soviet one is shown – the study of the issue without any ideological guidelines and its transfer exclusively into a scientific plane. The motive for addressing the problem is the research interest in the modernization processes of the post-reform period. As a result of the multifaceted research, there has been revised the assessment of the role of the socio-cultural institutions that served the goals of the peaceful conquest of the Central Caucasus peoples, and their positive role has been identified.

Keywords: Russian-North Caucasian relations, colonial policy, formation of Russian statehood and identity

Acknowledgements and Funding: the study was carried out within the framework of the Program of Scientific Research on the Ethnocultural Diversity of Russian Society and Aimed at Strengthening Russian Identity, 2023–2025 (supervisor Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov) – GZ SOIGSI VSC RAS – No – 123090800006-3.

For citation: Kanukova, Z.V., Tuaeва, B.V., and Plieva, Z.T. “Russia and the Central Caucasus in Soviet and Modern Scientific Discourse: from ‘Colonialism’ to Russian Statehood.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (May 2024): 232–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-232-243>

Введение

Актуальность. Актуальность темы обусловлена ее высокой общественной значимостью в условиях обострения геополитического противостояния США и «коллективного» Запада России. Основная идея политической элиты недружественных стран, связанная с мечтами о разрушении России «изнутри», об «освобождении» народов страны от «империи зла», воплощается активацией темы «деколонизации», запущенной противниками РФ в широкое медиапространство. Центральный Кавказ (Северная Осетия, Кабарда, Чеченя, Ингушетия) традиционно является объектом особого внимания, поэтому к вещанию на регион подключено множество ресурсов, призывающих «свободолюбивых горцев» к борьбе за свободу, к отказу от участия в СВО, к поддержке киевского режима. Открытый вызов национальной безопасности, общероссийской государственности и идентичности, сплоченности россиян требует реакции научного сообщества, прежде всего потому, что продвижение идей «деколонизации» строится на историческом нарративе. В современном общественном дискурсе избирательно используются исследования советской историографии,

посвященные длительному и сложному процессу российско-кавказского взаимодействия, традиционно подвергаются сомнению характер и время присоединения народов региона к России.

Разрушение вредоносных практик, негативно влияющих на общество, требует актуализации научного дискурса, возвращения проблемы из политической повестки в научную. Дискурс «деколонизации», научный и общественный, имеет свою историю и не первый раз появляется в политической повестке.

Степень изученности проблемы. Ранний советский период исследования проблемы присоединения народов Центрального Кавказа к России формировался в идеологии тотальной критики самодержавия, в которую хорошо вписывалась концепция «абсолютного зла», причиненного Российской империей всем «завоеванным» народам. Эта ведущая позиция развивалась школой М.Н. Покровского, сыгравшей большую роль в становлении региональной исторической науки. На Центральном Кавказе «колониальную» политику России исследовали Г.А. Кокиев, Б.В. Скитский, Б.А. Гарданов, М.С. Тотоев и другие историки. Не все они сумели переосмыслить свои взгляды на проблему, когда того потребовала резкая смена идеологических установок в 1936 г. и появление новой директивы, заменившей концепцию «абсолютного зла» на «наименьшее зло».

С середины XX в. меняется методология изучения русско-кавказских отношений, что отчетливо прослеживается в терминологии. «Колонизация» и «завоевание» уступают место «вхождению», «присоединению». Следующий этап исследования проблемы российско-кавказских отношений отмечен дискуссиями о времени присоединения народов региона к России, которую историк М.М. Блиев считал концептуально важной, ключевой позицией, определяющей характер всего процесса.

Цель исследования – определение основных тенденций в исследовании проблемы присоединения народов Центрального Кавказа к России и ее последствий, актуальных в современном дискурсе. Обозначенная цель диктует ряд задач, связанных с этапами развития отечественной обществоведческой, а затем исторической науки в целом и кавказоведческой, в частности.

Научная новизна. В статье впервые представлен историографический обзор современных исследований различных аспектов российско-северокавказского взаимодействия, сосредоточенных на вопросах социально-культурных последствий присоединения народов региона к России.

Влияние концепции «абсолютного зла» М.Н. Покровского на региональную историю

В контексте тотальной критики российского самодержавия, свергнутого революцией, в ранней советской историографии проблемы присоединения нерусских народов к России, ведущие позиции занимала школа М.Н. Покровского, который одним из первых выдвинул концепцию «абсолютного зла», причиненного всем нерусским народам, которые были насильно присоединены к России и превращены в ее колонии¹. Эта концепция была достаточно популярной и собрала вокруг себя немало сторонников, которые развивали идеи М.Н. Покровского на региональном материале.

Одним из видных представителей школы М.Н. Покровского можно считать Георгия Александровича Кокиева – доктора исторических наук, который с 1929 г. читал курс истории Кавказа в Московском государственном университете, руководил сектором истории XX в. в Институте истории АН СССР. Детально исследовав

¹ Покровский М.Н. Завоевание Кавказа. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

процесс становления русско-северокавказских отношений, Г.А. Кокиев выявил «колониальные мероприятия», которые, как он считал, составили «внутренний механизм русской колониальной политики». К числу таковых он относил: привнесение в горские общества классовой дифференциации, облегчавшей России задачу упрочения своего влияния на крестьянские массы; вовлечение горцев в сферу торгово-капиталистических отношений России; аманатство, обеспечивавшее России вынужденную покорность со стороны горцев; расселение горцев с целью их русификации на русской территории, в русском окружении; разжигание национального антагонизма среди горских народностей в целях физического и экономического их ослабления; подкупы горских феодалов, узденей и старшин и превращение их в активных проводников среди горцев «колониальных мероприятий метрополии»; миссионерство, сыгравшее весьма важную роль в общей системе русской колониальной политики в смысле идеологического и политического закрепощения горцев; организация Кавказской военной линии с целью экономического и физического ослабления горцев².

В процессах русско-северокавказского взаимодействия Г.А. Кокиев выделяет период с конца XVIII в. и до середины XIX в. как оборонческо-колониационный, когда происходила оборона границ и одновременное выдвигание военной линии по неприятельской территории, заселение вновь занимаемых у горцев земель казачьим населением. Севастопольскую кампанию он считал началом нового периода, направленного на полную колонизацию региона³. Г.А. Кокиев усматривал серьезные отличия в старой оборонческой системе «русской колонизации» и новой системе Барятинского, которую рассматривал как активное наступление русской армии по всему фронту «с широким и ярко очерченным планом колонизации всего края уроженцами центральной России»⁴.

Оборонительный характер русско-кавказского взаимодействия до начала XIX в. отмечал и М.Н. Покровский, но при этом акцентировал внимание на экономическом завоевании Кавказа путем его колонизации.

Среди обозначенных Г.А. Кокиевым «колониальных мероприятий» указано установление тесных контактов с местными политическими элитами, с применением подкупов в виде даров и офицерских званий, которое он считал одним из краеугольных камней екатерининской политики⁵.

Еще одним «методом» колониальной политики ученый считал стремление к уничтожению языка, обычаев и традиций народов Кавказа. Г.А. Кокиев цитировал письмо П. Кречетникова Екатерине II:

К опровержению их языка и обычаев нужным почитаю гарнизоны сделать поселенными между сими выходцами из гор и дать волю как на солдатских дочерях, так и солдатам у них жениться и тем нечувствительно язык и обычай их выводить⁶.

Далее Г.А. Кокиев делал вывод о конечной цели России: «полное растворение горцев Северного Кавказа в массе русского населения...»⁷. Обращение в христианство населения Осетии также рассматривалось как инструмент полного под-

² Кокиев Г.А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в 18 веке // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 115.

³ Кокиев Г.А. Военно-колониационная политика царизма на Кавказе // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005. С. 24.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Там же. С. 91.

чинения и «овладения горными и минеральными богатствами страны», открытие первой школы в Моздоке – как преследовавшее колониальные цели.

Ни в одном из перечисленных «мероприятий» ученый не усматривает позитивного последствия присоединения народов Северного Кавказа к России. Г.А. Кокиев в своих оценках был самым радикальным из исследователей российско-кавказских отношений, но авторитет единственного профессионального историка в Осетии способствовал развитию его идей.

Смена идеологической и исследовательской парадигмы: концепция «наименьшего зла»

В середине 1930-х гг. наметился переход к интегрирующему курсу внутригосударственной политики, к конструированию новой общегосударственной идентичности и к сплочению вокруг русского народа. Смена внутренней политики сопровождалась широкой кампанией по пересмотру дореволюционной истории России, в частности, по переоценке взаимоотношений с национальными окраинами. В 1936 г. постановлением жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР был обозначен новый подход к изучению проблемы присоединения народов страны к России, в частности, появилась «рекомендация» заменить «абсолютное зло» М.Н. Покровского на «наименьшее зло». Национальная политика царизма признавалась «злом», но процесс присоединения нерусских народов к России, – «меньшим злом» или благом, которое вносил русский народ в жизнь других народов страны. Для Центрального Кавказа концепция «наименьшего зла» означала также, что по сравнению с гнетом персов или турок присоединение к России было «наименьшим злом». Со временем формула «наименьшего зла» получила универсальное применение при суждении о присоединении к России разных стран и народов.

Результатом организованных дискуссий, сопровождавшихся разоблачительными акциями, стала не только резкая переоценка многих исторических событий, адаптация к новым идеологическим установкам, но и гонения на историков, не готовых к внезапному переосмыслению устоявшихся концепций, а значит, совершавших «грубую политическую ошибку». В 1949 г. по ложному доносу был арестован и осужден «за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия» Г.А. Кокиев, скончавшийся в тюрьме от инфаркта. Известный историк Борис Васильевич Скитский, исследовавший отдельные аспекты «колониальной политики» царизма в Осетии, был обвинен в «буржуазном национализме», тираж его книги «Хрестоматия по истории Осетии» был изъят, якобы из-за идеализации патриархально-феодальных отношений и тенденциозного подбора источников. В 1953 г., не выдержав несправедливых гонений, Б.В. Скитский тяжело заболел и уехал из республики⁸.

Жесткому прессингу был подвергнут крупный осетинский историк Михаил Сосланбекович Тотоев. Он пытался отстоять свое видение характера и периодизации процесса присоединения Осетии к России, свою оценку массовых народных выступлений в Осетии в 1830 г. Появившаяся в 1950-х гг. директива оценивать их «как реакционно-националистические антирусские выступления части осетинских феодалов, ставивших целью отторжение Осетии от России», представлялась М.С. Тотоеву несправедливой. Будучи уверенным в своих оценках, он решил обратиться в Северо-Осетинский обком КПСС с обоснованием своей научной позиции и просьбой пересмотреть идеологические установки. От печальной участи коллег М.С. Тотоева спасло вынужденное решение признать свои ошибки, иначе Поста-

⁸ Цориева И.Т. «Разжигал страсть к познанию истории...»: Борис Васильевич Скитский. Человеч. Ученый. Педагог // Известия СОИГСИ. 2015. № 18. С. 103–109.

новление обкома КПСС «О неправильном поведении доктора исторических наук, профессора Тотоева М.С.» могло иметь другие последствия⁹. В последующие годы М.С. Тотоев продолжил заниматься проблемой русско-осетинских отношений, присоединения Осетии к России, сосредоточив свои усилия на вопросах влияния русской культуры на осетин, развития культурных связей между русскими и осетинами, в выявлении роли русской культуры в формировании осетинской научной и творческой интеллигенции.

Такая тематика хорошо вписывалась в идеологические установки в начале 1950-х гг., когда наметилась тенденция к более детальному изучению последствий присоединения нерусских народов к России, обозначилась прогрессивная роль этого процесса и появилась идея добровольного характера присоединения. В основе новой методологии некоторое время держался тезис о том, что «несмотря на колониальный характер политики царизма», присоединение к России имело и положительные последствия.

Периодизация русско-кавказских отношений

В контексте национальной политики, направленной на дальнейшее сближение наций и достижение их полного единства, в исторической науке начала 1950-х гг. получила широкий резонанс концепция о «добровольном вхождении». Появилось более расширительное толкование прогрессивного значения присоединения нерусских народов к России. Из региональной истории уходят термины «колонизация», «завоевание», «покорение», на смену которым пришли определения, отражавшие новый взгляд на проблему.

Внесший большой вклад в исследование проблемы российско-кавказских отношений М.М. Блиев считал самым точным и продуктивным для науки термин «присоединение», который позволяет «рассмотреть исторические события комплексно, во всей их сложности и противоречивости»¹⁰. Он также считал, что понятие «добровольное присоединение» не соответствует всей сложности исторического процесса всех нерусских народов, но при этом отмечал неправомерность игнорирования усилий тех общественных сил, которые осознанно стремились включить свои народы в российское экономическое, политическое, культурное пространство¹¹.

Такие инициативы нерусских народов не вписывалась в концепции ни абсолютного, ни наименьшего зла. А карательные экспедиции, в частности в 1830 г. в Осетии, мешали продвижению идей добровольного характера присоединения. М.М. Блиев обосновал эти противоречия периодизацией русско-кавказских отношений, выделив в их истории два периода: установление отношений и присоединение народов Кавказа к России, и утверждение российского военно-административного аппарата, превращавшего регион в территорию Российской империи, с вовлечением народов региона в освободительную борьбу. «Подобная периодизация, разделяя единый процесс на составные части, удерживает исследователя от смешения двух далеко не тождественных исторических явлений: присоединение Кавказа к России с учреждением военно-административного аппарата»¹². Отметим, что такое «смешение» занимает довольно прочные позиции в кавказоведении.

⁹ Цориева И.Т. Человек. Ученый. Педагог (К 100-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Михаила Сосланбековича Тотоева) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2010. № 3. С. 136–141.

¹⁰ Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. 1991. № 6. С. 69.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Кокиев Г.А. Военно-колониционная политика... С. 83.

М.Н. Покровский и Г.А. Кокиев тоже указывали на существенную разницу между начальным, оборонительным периодом и агрессивной колонизацией «силой оружия», но М.М. Блиев особое внимание уделяет времени присоединения народов Северного Кавказа к России, считая его концептуально важным для дальнейшего исследования проблемы в целом. В 1970 г. ученый посвятил специальную статью хронологии рассматриваемой проблемы «К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России»¹³. Не соглашаясь с мнением Б.В. Скитского, считавшего что районы Осетии в разное время принимали подданство России, с 1815 по 1830 гг., с датировкой М.С. Тотоева завоевания Осетии в 1830 г., а также других авторов, считавших карательные экспедиции Ренненкампа и Абхазова датой окончательного установления российской власти, М.М. Блиев предложил свое видение проблемы.

На основании обнаруженных им документов, а также опубликованных исследований он пришел к выводу, что вопрос о присоединении Осетии к России был решен после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора, а также русско-осетинских переговоров, состоявшихся в Моздоке в 1774 г. Именно эта дата и считается сегодня датой официального присоединения Осетии к России.

Отвечая своим оппонентам, М.М. Блиев опирался на следующий исторический нарратив. В 1749 г. из Осетии в Петербург отправилось посольство с целью обсуждения вопроса присоединения Осетии к России, которая в то время была обязана соблюдать Белградский договор, в частности нейтральность территории Центрального Кавказа. В октябре 1774 г. после победного завершения войны и заключения Кучук-Кайнарджийского договора в Моздоке прошли русско-осетинские переговоры и было достигнуто Соглашение, по которому осетины получили право на переселение на предгорные равнины, гарантии внешней безопасности, право «свободного проезда» и свободной торговли на русской границе, а посольство передавало России «горы в вольное употребление» и «позволяло из Осетии вывозить полиметаллические руды»¹⁴.

М.М. Блиев считал, что для определения времени присоединения народов Северо-Западного Кавказа к России не имеет значения время утверждения российской администрации, частные инициативы, в том числе письма отдельных горских князей, которых было немало, а следует исходить из главных факторов взаимодействия народов Северного Кавказа с Россией. Стремление избежать внешней опасности и установить торгово-экономические связи явилось основанием для присоединения к России народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа (Осетии, Ингушетии и Чечни) в 70–80-х гг. XVIII в. Присоединением в 1813 г. Дагестана, по существу, закончился первый этап в истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией¹⁵. Особенность же второго этапа М.М. Блиев видел в установлении военно-административного аппарата на Северном Кавказе, активном включении в процессы общероссийского развития жесткими методами, что и вызвало протестные акции местного населения.

Выделенные этапы М.М. Блиев считал разными историческими событиями, а неприятие или непонимание этого тезиса – причиной неразрешимых противоречий и серьезных ошибок в освещении истории народов Северного Кавказа.

Оценивая историографию проблемы присоединения нерусских народов к России в 1990-е гг., М.М. Блиев отмечал, что она стала рассматриваться в контексте поли-

¹³ Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7.

¹⁴ Там же. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 54–55.

тического сепаратизма, охватившего советские республики с игнорированием всех позитивных последствий присоединения. Ученый призывал переместить обсуждение проблемы из общественно-политического дискурса в академический, напоминая как о сложности исторических явлений, связанных с процессом присоединения, так и о значимости социально-экономических и политических последствий этого процесса¹⁶.

От колониальной политики к российской государственности

Новый этап в истории изучения российско-северокавказских отношений проходит в парадигме российской государственности и общероссийской идентичности. Его отличительной особенностью является детальное исследование политики России, направленной на распространение и укрепление основ общероссийской идентичности на Центральном Кавказе, выявление последствий интеграции региона в российское экономическое, социально-политическое и культурное пространство. Эти последствия со всей очевидностью проявились в пореформенное время и в начале XX в., что можно рассматривать как один из мотивов активного обращения исследователей к этому периоду.

В «Истории Осетии» рассмотрены социально-экономические, политические, конфессиональные и культурные аспекты развития Осетии в составе Российской империи. Предложено новое видение процессов включения региона в административно-государственную систему России, пореформенного периода и начала XX в. как этапа хозяйственной, общественной и культурной модернизации осетинского общества¹⁷.

Проведено комплексное исследование взаимодействия традиционной и государственно-административной систем управления в Осетии в ходе ее включения в территориально-административную и политико-правовую системы Российской империи. Впервые в отечественной историографии сложившаяся традиционная система общественного самоуправления становится самостоятельным объектом изучения, который рассматривается как сложно организованная, многоуровневая, многокомпонентная, иерархически выстроенная система, характеризующаяся внутренним динамизмом. В результате определены универсальные принципы самоорганизации социума, показана социальная символика патриархальных институтов самоуправления, обозначены основные качественные свойства общественной власти, ее функциональная амбивалентность и обусловленность конкретным социальным контекстом¹⁸.

В качестве социальных и культурных факторов укрепления российской государственности и идентичности рассматриваются конфессиональная и культурная политика, формирование национальной интеллигенции как проводника российской культуры.

Правительство считало православную миссионерскую деятельность основным инструментом политического воздействия на горцев Северного Кавказа и возлагало большие надежды на созданные в этих целях православные миссии, что и стало основанием для советских историков расценивать церковь как метод колонизации. Вместе с тем деятельность православных миссий аргументированно признается современными исследователями действенным механизмом формирования российской государственности и общероссийской идентичности, в частности в Осетии. Кон-

¹⁶ Блиев М.М. О некоторых проблемах... С. 68.

¹⁷ История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Владикавказ, 2012; История Осетии в XIX – начале XX века. Владикавказ, 2012.

¹⁸ Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX вв.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010.

кретными факторами влияния православной церкви на общественно-политические и культурные процессы стали строительство храмов и развитие приходской жизни, основание школ и распространение грамотности, формирование осетинской церковной интеллигенции и осуществление ее просветительских проектов. Православие для осетин – это не только «слово божье», это – первая школа, первая печатная книга, первый журнал, русский язык, достаточно высокий образовательный уровень. Впервые объективная оценка роли православия была изложена в ряде диссертаций¹⁹ и статей²⁰. Большая роль в процессе утверждения государственности принадлежала русской школе, которая реализовывала в осетинском социуме не только образовательную, но и воспитательную, идеологическую и консолидирующую функции. В Осетии стремление к образованию стало массовым общественным движением²¹.

В монографии Е.И. Кобахидзе и Б.В. Туаевой выявлено, что позитивная мотивация к усвоению русского языка местными сообществами, для которых и русский язык, и образование в целом становились важными инструментами освоения нового социального контекста, была обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, русский язык являлся для горцев мощным ресурсом социализации в общемперском пространстве, во-вторых, овладение русским языком открывало возможности повышения собственного социального статуса, и, наконец, сформировавшаяся в местной среде потребность в овладении государственным языком, по сути, была адаптивной реакцией на новые социальные вызовы, сглаживающей издержки имперской унификации²².

Степень усвоения социальных и культурных инноваций во многом определялась уровнем урбанизации общества. Основание Владикавказа было следствием установления русско-северокавказских отношений, поэтому его история и культура изучаются в широком контексте этой проблемы²³. Изучению общественно-культурной среды городов Северного Кавказа как важного фактора российско-кавказского взаимодействия, посвящен ряд монографий и статей Б.В. Туаевой. В монографии «Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков» анализируется роль урбанизации в истории Северного Кавказа, исследуется провинциальный город как фактор формирования экономической и культурной политики российского государства в XIX – начале XX в.²⁴

Немалое число трудов посвящено формированию интеллигенции и ее роли проводника российской политики посредством экономической, социальной, административно-правовой, художественной культуры и образования. В эпоху пореформенной модернизации в регионе сложился социальный страт, представленный профессиональными группами, активно включенными в различные виды профессиональной, общественной и культурно-просветительской деятельности. Выявлены условия формирования этого социального страта, предложена классификация интеллигенции по профессиональным группам, определены основные виды деятельности, способствующие осуществлению российской политики на Северном Кавказе. Особое

¹⁹ *Бирагова Ф.Р.* Церковная интеллигенция в Осетии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... к.и.н. Владикавказ, 2003.

²⁰ *Канукова З.В.* Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2016. № 20. С. 40–50.

²¹ *Дзалаева К.Р.* Русская школа как основной механизм утверждения общероссийской идентичности в Осетии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2016. № 21. С. 47–54.

²² *Кобахидзе Е.И., Туаева Б.В.* Русский язык в социокультурных трансформациях на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). Владикавказ, 2023.

²³ *Канукова З.В.* Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008.

²⁴ *Туаева Б.В.* Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ, 2010.

внимание уделено роли интеллигенции в процессах межэтнической коммуникации, которая является самостоятельным условием укрепления российской государственности и идентичности²⁵. Появление интеллигенции считается результатом вовлечения региона в систему всероссийского рынка, урбанизации, повышения социальной мобильности и интеграции в российское социально-культурное пространство²⁶.

На основании широкого круга разноплановых источников проведено исследование политических и социально-культурных аспектов трансформации горского социума в конце XVIII – начала XX в. с точки зрения возможностей его адаптации к внешним модернизирующим изменениям, выявляемых, в том числе, сквозь призму общественного сознания и социально-политической мысли. Проанализированы различные аспекты административной практики правительства в русле «объединительной» политики, показана сложность и противоречивость процессов имперской унификации в сфере управления. Выявлены основные проблемы и творческие доминанты в наследии северокавказской интеллигенции исследуемого периода, обусловленные поиском национально ориентированного развития края, обеспечивающего экономическое и культурное процветание региона при опоре на жизненные интересы горского крестьянства²⁷.

Выводы

Время присоединения Центрального Кавказа к России, характер этого процесса и методы колониальной политики Российской империи, исследованные в советский период в рамках концепций «абсолютного»/«наименьшего» зла, актуализированные в современном общественном дискурсе, переосмыслены во второй половине XX в. в рамках новой методологии и периодизации российско-кавказских отношений, а также современной историографией, в которой складывается новое направление.

В результате многоаспектных исследований пореформенной модернизации региона пересмотрена оценка социально-культурных институций, считавшихся способами невоенного покорения народов Северного Кавказа, выявлена их позитивная роль. Православные миссии, город и такие формы городской культуры как театр, библиотеки, музеи, культурно-просветительские общества, а также образовательные учреждения, расширившие социальные функции русского языка, формирование интеллигенции рассмотрены как эффективные факторы формирования и укрепления российской государственности. Отметим, что это направление формировалось без каких-либо идеологических установок, мотивом обращения к проблеме является исследовательский интерес к модернизационным процессам пореформенного времени. Однако в современных условиях беспрецедентного давления на Россию, в том числе идеологического, обозначенные исследования актуализированы общественным запросом на укрепление общероссийской идентичности, суверенного развития как одной из ведущих стран мира.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.01.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.02.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.03.2024

---

²⁵ Гутиева Э.Ш. Социокультурное развитие пореформенной Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.). Владикавказ, 2013.

²⁶ Дзалаева К.Р. Формирование российской государственности и общероссийской идентичности на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Владикавказ, 2017.

²⁷ Айларова С.А., Кобахидзе Е.И. «Будущие дети России...» Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). Владикавказ, 2011.

References

- Aylarova, S.A., and Kobahidze, E.I. *'Budushchie deti Rossii...'* Problema integratsii v administrativnoi praktike i obshchestvennom soznanii (*Tsentralnyi Kavkaz kontsa XVIII – nachala XX vv.*) [‘The Future Children of Russia...’ The Problem of Integration in Administrative Practice and in Public Consciousness (Central Caucasus of the Late XVIII – Early XX Centuries)]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI Publ., 2011 (in Russian).
- Biragova, F.R. “Church Intelligentsia in Ossetia in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Centuries Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences.” PhD diss., North Ossetian State University, 2003 (in Russian).
- Bliev, M.M. “K voprosu o prisoedinenii narodov Severnogo Kavkaza k Rossii [On the Question of the Accession of the Peoples of the North Caucasus to Russia].” *Voprosy istorii*, no. 7 (1970): 43–56 (in Russian).
- Bliev, M.M. “O nekotorykh problemakh prisoedineniia narodov Kavkaza k Rossii [On Some Problems of the Accession of the Peoples of the Caucasus to Russia].” *Istoriia SSSR*, no. 6 (1991): 67–84 (in Russian).
- Dzalaeva, K.R. “Russkaia shkola kak osnovnoi mekhanizm utverzheniia obshcherossiiskoi identichnosti v Osetii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Russian School as the Main Mechanism of Assertion of All-Russian Identity in Ossetia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries].” *Izvestiya SOIGSI*, no. 21 (2016): 47–54 (in Russian).
- Dzalaeva, K.R. *Formirovanie rossiiskoi gosudarstvennosti i obshcherossiiskoi identichnosti na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka* [Formation of Russian Statehood and All-Russian Identity in the North Caucasus in the 19th – Early 20th Centuries]. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Gutieva, Ye.Sh. *Sotsiokul'turnoe razvitie poreformennoi Osetii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Socio-cultural development of post-reform Ossetia (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Vladikavkaz: IPC SOIGSI Publ., 2013 (in Russian).
- Kanukova, Z.V. “Pravoslavie v formirovanii rossiiskoi gosudarstvennosti i obshcherossiiskoi identichnosti v Osetii (konets XVIII – nachalo XX v.) [Orthodoxy in the Formation of Russian Statehood and All-Russian Identity in Ossetia (the End of the XVIII – the Beginning of the XX Century)].” *Izvestiya SOIGSI*, no. 20 (2016): 40–50 (in Russian).
- Kanukova, Z.V. *Stary Vladikavkaz. Istoriko-etnologicheskoe issledovanie* [Old Vladikavkaz. Historical and Ethnological Research]. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2002 (in Russian).
- Kobahidze, E.I., and Tuaeua, B.V. *Russkii iazyk v sotsiokul'turnykh transformatsiakh na Severnom Kavkaze (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Russian Language in Socio-Cultural Transformations in the North Caucasus (the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Century)]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI Publ., 2023 (in Russian).
- Kobakhidze, E.I., and Aylarova, S.A. *'Ne edinoiu siloiu oruzhiia...» Osetiia kontsa XVIII – nachala XX vv.: opyt istoricheskogo vzaimodeistviia traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniia* [‘Not by force of arms alone...’ Ossetia at the end of the XVIII – the beginning of the XX centuries: the experience of historical interaction of traditional and state-administrative management]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI Publ., 2010 (in Russian).
- Kokiev, G.A. *Metody kolonialnoi politiki tsarskoi Rossii na Severnom Kavkaze v 18 veke. Istoriia Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov* [Methods of Tsarist Russia's Colonial Policy in the North Caucasus in the 18th Century. Collection of Articles and Documents]. Nalchik: Yel-Fa Publ., 2005 (in Russian).
- Kokiev, G.A. *Voенно-kolonizatsionnaia politika tsarizma na Kavkaze. Istoriia Kabardino-Balkarii v trudakh G.A. Kokieva. Sbornik statei i dokumentov* [The Military-Colonization Policy of Tsarism in the Caucasus]. Nalchik: Yel-Fa Publ., 2005 (in Russian).
- Nechkina, M. “K voprosu o formule ‘naimenshee zlo’ [On the Question of the Formula ‘the Lesser Evil’].” *Voprosy istorii*, no. 4 (1951): 44–48 (in Russian).
- Pokrovskiy, M.N. *Zavoevanie Kavkaza. Diplomatiia i voiny tsarskoy Rossii v XIX stoletii* [Conquest of the Caucasus. Diplomacy and Wars of Tsarist Russia in the XIX Century]. Moscow: Krasnaia nov' Publ., 1923 (in Russian).

- Tsorieva, I.T. “‘Razzhigal strast k poznaniiu istorii...’: Boris Vasilevich Skitskii. Chelovek. Uchenyi. Pedagog [‘Kindled a passion for the knowledge of history...’: Boris Vasilyevich Skitsky. Person. Scientist. Pedagogue].” *Izvestiya SOIGSI*, no. 18 (2015): 103–109 (in Russian).
- Tsorieva, I.T. “Person. Scientist. Pedagogue (To the 100th Anniversary of the Birth of Doctor of Historical Sciences, Professor Mikhail Soslanbekovich Totoev).” *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, no. 3 (2010): 136–141 (in Russian).
- Tuaeva, B.V. *Lokalnaia istoriia: osobennosti kulturnoi i obshchestvennoi zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX vekov* [Local History: Features of Cultural and Social Life of the Cities of the North Caucasus in the Second Half of the XIX – the First Third of the XX Centuries]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI Publ., 2010 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Залина Владимировна Канукова, доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева, Владикавказский научный центр РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира. 10; z.kanukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7353-4324>; SPIN-код: 6979-5516

Zalina Vladimirovna Kanukova, Dr. Habil. Hist., Professor, North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V.I. Abayev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 10, Prospekt Mira, Vladikavkaz, 362040, Russia; z.kanukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7353-4324>; SPIN-code: 6979-5516

Берта Владимировна Туаева, доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева, Владикавказский научный центр РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира. 10; ms.amaga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9745-7776>; SPIN-код: 2482-1015

Berta Vladimirovna Tuaeva, Dr. Habil. Hist., Professor, North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V.I. Abayev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 10, Prospekt Mira, Vladikavkaz, 362040, Russia; ms.amaga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9745-7776>; SPIN-code: 2482-1015

Залина Тимуровна Плиева, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории, Государственный университет имени К.Л. Хетагурова; 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; za-li@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9024-7175>; SPIN-код: 3139-1027

Zalina Timurovna Plieva, PhD in History, Ass. Professor of the Department of the Russian History, State University named after K.L. Khetagurov; 46, Vatutina St, Vladikavkaz, 362025, Russia; za-li@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9024-7175>; SPIN-code: 3139-1027